

ПРОТОИЕРЕЙ
ЛЕОНИД
ГРИЛИХЕС

*сказали Ему :
Равви — что значит:
«учитель», —
где Ты живешь?
Ин. 1: 38*

ДОМ ИИСУСА

Леонид Грилихес

Дом Иисуса

«Никея»

2022

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

Грилихес Л.

Дом Иисуса / Л. Грилихес — «Никея», 2022

ISBN 978-5-907457-83-6

Учитель, где Ты живешь? Будущие апостолы хотели узнать, где дом Иисуса, каков Его род и есть ли у Него школа. Так и мы, стремясь больше узнать о Христе, вступаем в область языкового, этнического, литературного и культурного контекста, в сферу библеистики. При всей научной и духовной глубине эту книгу можно считать образцом популярного издания: автор просто и увлекательно рассказывает о Евангелии в свете того, что обсуждалось и переживалось современниками Иисуса. Статьи из раздела «Ветхий в Новом» также вводят читателя в этнокультурный контекст, проясняя многие места Священного Писания. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

ISBN 978-5-907457-83-6

© Грилихес Л., 2022
© Никея, 2022

Содержание

Дом Иисуса	6
От автора	6
Иисус Текста и проблема интерпретации	7
Противоположное направление, текстология	9
Иисус и Его собеседники	10
О «еврейском мире» I века	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леонид Грилихес

Дом Иисуса

© ООО ТД «Никея», 2022

© Л. Грилихес, прот., 2021

* * *

Дом Иисуса

От автора

Слово «дом» имеет множество коннотаций. Вероятно, это справедливо для большинства языков. Однако у ивритского **байт** есть своя «национальная» специфика. Это не только «строение» и не только «народ, род, клан, семья». **Байт** – также и «Храм, дом Бога нашего». И, наконец, есть еще одно особое значение – «школа».

Именно это последнее значение стало определяющим для вынесения слова *дом* в заглавие книги. Иисус именуется Учителем, Наставником, Рабби. Его последователи – ученики. Попытаемся заглянуть в Дом, то есть в Школу Иисуса. И здесь встает множество вопросов. Что такое школа? Каков характер обучения? На чем оно базируется? Что отличает одну школу от другой? Можно ли говорить об общих характеристиках? Есть ли взаимодействие между школами? Кто такие учителя? Кто такие ученики? Каковы отношения в «классе» и отношение к учителю? Методы? Пособия? Порядки? Критерии оценки? И т. д. и т. п.

Возможно, разочарую читателя: касаясь этих и других вопросов, я не тороплюсь с выводами и не пытаюсь формулировать ответы. Эта книга не претендует ни на систематичность, ни на всеохватность изложения. Читатель не найдет исчерпывающего представления (если такое вообще возможно) об учении и миссии Иисуса. В поле зрения попадают лишь те евангельские события и слова, которые удастся соотнести с тем, что обсуждалось и переживалось современниками Иисуса.

Перед читателем интервью, которое часто сбивается на монолог. Это «разговор о...». Я преследовал очень скромную задачу: мне хотелось, насколько возможно, «оживить» некоторые из евангельских тем. Постараться расслышать и взглянуть на них изнутри той далекой эпохи.

Совершенно очевидно, что этот разговор не имеет конца. Сложно поставить точку. Большой важной теме, которую я почти не затрагиваю в этом издании, – притчам Иисуса – я надеюсь посвятить свою следующую книгу.

Брюссель январь 2022 г.

Иисус Текста и проблема интерпретации

– В своем вступлении к книге Романа Гуардини «Господь» вы говорите: «За минувшие три века критических исследований¹ Иисус успел побывать и галилейским рабби, и выдающимся наставником новой морали, и реформатором протестантского типа, и харизматиком, уверовавшим в свое божественное призвание, и героическим сверхчеловеком ницшеанского толка. Его сближали то с современными Ему фарисеями, ессеями, киниками, а то с современными нам революционерами или с философами-экзистенциалистами». Чему нас учит эта история?

– Чему учит? Можно было бы сказать, что каждое время смотрится в Него, как в зеркало. Каждая эпоха видит в Евангелии отражение собственных устремлений и проблем. И не только эпоха. Нас формируют наше образование, приоритеты, базовое мировоззрение... Для протестанта Христос – протестант, для революционера – революционер, для либерального израильского ученого – либеральный раввин-реформатор и т. п.

За последнюю сотню лет Христос был арийцем (Хьюстон Стюарт Чемберлен) и представителем черной расы (Мартин Лютер Кинг). Эти примеры можно было бы не упоминать, если бы они оставались достоянием своих авторов. Но они имели широкий резонанс, и под знаменем «новых» христов формировались новые идеи и идеологии. И во имя этих идей и под гнетом этих идей гибли люди.

Каждое новое поколение – Ренан, Толстой, Швейцер, Бультман... – берется за перо, чтобы рассказать о реальном историческом Иисусе, а рассказывает о себе и своем современнике. Есть Текст, и есть современность. Есть Текст, и есть огромный культурный пласт: наш опыт, наши навыки, наши обычаи. Есть Текст, который говорит о чем-то далеком и не всегда понятном. И есть наши родные дома, города и привычки. Есть улицы, по которым мы ходим каждый день. И мы видим: происходит то, что произошло в искусстве Ренессанса. Иисус появляется на улицах Флоренции. Или празднует галилейскую свадьбу за одним столом с венецианским дожем. Мы снисходительно улыбаемся... И «усаживаем» Его в категории нашего мышления и нашей культуры. И это неизбежно. По крайней мере до тех пор, пока мы не встретим Его Самого. Весь вопрос в том, насколько мы отдаем себе в этом отчет.

На одной части христианского мира Христос «обживает» мир, увиденный глазами художников Возрождения, полный ренессансной радости и любви к природе, к натуре (здесь найдется место и для кошечек, и для собачек). Но другая часть христианского мира продолжает видеть во Христе икону, где даже земная история становится достоянием вечности. С одной стороны, Христос расхаживает по средневековым улицам. С другой – Он на золотом фоне надмирной славы и незыблемой догматики.

В конце концов приходит век просвещенного рационализма и говорит: не то и не другое! Мы хотим отыскать «настоящего», исторического Христа. Того Христа, Который ходил по берегу Тивериадского моря. Который, утомившись, сел у колодца в Сихеме. Который плакал над Лазарем. Не икона и не картина, мы хотим разглядеть Иисуса Текста. То, каким Он сходит со страниц Евангелия. Каким Он предстает в источниках.

---

¹ Первая книга, посвященная обзору различных представлений о личности и учении Иисуса, принадлежит А. Швейцеру. Вышедшая в 1906 г. на немецком языке, она была переиздана в 1910-м по-английски с несколько измененным названием «Поиски исторического Иисуса: критическое исследование их развития от Реймаруса до Вреде». Но это было только начало – только «Первый поиск», охватывающий период от 1778 г, когда появилась анонимная статья (позднее было доказано, что она принадлежит гамбургскому ученому Герману Реймарусу), озаглавленная «О намерении Иисуса и Его учеников», и до работы А. Швейцера. За ним последовал «Новый поиск», где доминировали идеи Рудольфа Бультмана, нашедшие отражение в работе Джеймса М. Робинсона «Новый поиск исторического Иисуса». Наконец, начиная с конца 1970-х гг. в исследовании жизни и роли Иисуса наметились современные (социологические, политические, религиозные, этнокультурные и т. п.) подходы, за которыми закрепилось название «Третий поиск».

И что происходит – начинается «демонтаж» Текста. Эти слова не могут принадлежать историческому Иисусу – мы их вычеркиваем. Здесь, очевидно, напластование более поздней апостольской традиции – опять вычеркиваем. И так далее. А что остается? А остается именно то, что соответствует нашему представлению. То, что хотелось увидеть. Опять – зеркало.

– А разве невозможно работать с Текстом по-другому?

– Это не простой вопрос. Над нами тяготеет наша этно-культурно-лингвистическая модель. Мы заложники своего воспитания. Так называемый «поиск исторического Иисуса» зародился в протестантской стране, где Писание противопоставлено Преданию. И действует принцип – *sola scriptura*, то есть только Писанием определяются «абсолютные правила и стандарты», а Предание – это та или иная форма рецепции священного Текста. Предание в протестантизме – вторичное напластование, часто затеняющее и деформирующее изначальное боговдохновенное Писание.

Но в какой-то момент становится заметным, что и в самом Писании (то есть в евангельских текстах) содержатся элементы раннего апостольского предания. И тут же срабатывает привычный механизм: очистим Писание от предания (даже если это предание записано в самом Писании). И в итоге за бортом оказывается важнейший пласт – то, что нам сообщают ученики о своем Учителе.

Мы хотим быть объективными и рассудительными. Тогда зачем из зала суда изгонять свидетелей? Они записали то, что «слышали и видели своими очами»², то, «что осязали руками» (1 Ин. 1: 1). Но все их замечания, все то, что им представлялось важным, то, как они – ближайшие последователи и «свидетели» Иисуса – понимали и интерпретировали жизнь Учителя, выносятся за скобки. Это позднее наслоение, и его надо «соскоблить». И что остается? А остается то, что соответствует нашему представлению об Иисусе. Иными словами, мы опять нашли то, что искали, – свое отражение.

– Рудольф Бультман говорил, чтобы приблизиться к пониманию Иисуса, Его надо демифологизировать, – это требование добросовестного разума. Но вы, как мне представляется, пытаетесь демифологизировать Бультмана?

– Это иллюзия, что Бультман приближает нас к пониманию евангельского времени. Скорее дело обстоит наоборот. Евангельская и раннехристианская история «втискивается» в то, что ей не принадлежит. И под натиском «метода критики форм» реальность начинает трещать, как яичная скорлупа. Попробуйте взглянуть на Рудольфа Бультмана из Сионской горницы – он покажется инопланетянином.

---

² Здесь и далее библейские цитаты, отступающие от Синодального перевода, приводятся в кавычках. Цитаты, точно соответствующие Синодальному переводу, набраны курсивом и без кавычек.

Противоположное направление, текстология

– Вы хотите сказать, что в будущем будут «снисходительно улыбаться» современной новозаветной критике, подобно тому, как мы сегодня улыбаемся, разглядывая религиозную живопись Ренессанса?

– Что, впрочем, не мешает любоваться мастерством художника!

Но вот что мне кажется важным. В европейской науке было другое, прямо противоположное направление. И за ним стоит многовековой опыт. Огромная работа, направленная на самое бережное и тщательное сохранение традиции. Это то, что реализуется в текстологии и издании текстов, где учтены и зафиксированы все дошедшие до нас версии чтений. Такой подход восходит к Оригену: не желая вторгаться и исправлять существующий греческий текст Септуагинты³, он помечает те места, которые могли бы быть откорректированы по другим версиям. Расслышать и сохранить каждое слово!

Современные критические издания включают все известные рукописи Евангелий. Труд десятков поколений книжников и тысячи безымянных писцов. Все собрано здесь. Каждый знак – и не важно, верный он или неверный, – каждая буква, которая вышла из-под их пера, учтена и занесена в издание. Если, конечно, рукопись не пропала. Не была уничтожена варварами или временем. Но даже палимпсесты – рукописи, текст которых был смыт и записан, – удалось прочитать.

Рукописная традиция обеспечивалась работой переписчиков школьных, монастырских и дворцовых скрипториев. Сколько людей трудилось на протяжении пятнадцати веков, что сегодня по разным библиотекам и частным коллекциям во всем мире мы имеем более пяти тысяч рукописей Нового Завета! И это лишь то, что дошло до нашего времени. Чтобы победить время, войны, пожары, потребовалась целая армия писцов. И есть нечто промыслительное в том, что ко времени падения Византии (1453) Иоганн Гутенберг изобретает печатный станок и работает над созданием первой печатной Библии⁴. На смену рукописной традиции приходит типографская. Появление печатного станка ставит вопрос об эталонной рукописи, зарождается текстология, основанная на критическом сравнении, описании и оценке дошедших до нас рукописных текстов. Критическое издание, осуществленное самыми современными методами, – это всегда достижение и торжество традиции. Сюда же можно отнести работу лексикографов, составителей словарей, особенно тематических. Если словарь можно сравнить с музеем, то каждая словарная статья – витрина, где под стеклом заботливой рукой собраны все смысловые оттенки, которыми слово окрашено в разных контекстах. Открыть словарь и бродить по залам его музеона, часами склоняясь над витриной, – это достояние европейской культуры, то, что роднит ее с древними книжниками. То, что продолжает жить вопреки всем революциям. За каждым словарем и изданием текста стоит огромный труд. Я на стороне тех, кто старался сохранить слово, а не подменить его своим. И я убежден, что только это «противоположное направление» способно приблизить нас к живому слову Иисуса.

---

³ Септуагинта, или «перевод Семидесяти», – переданный по-гречески древнееврейский текст Ветхого Завета, а также книги, написанные по-гречески изначально (например, Маккавейские).

⁴ «42-строчная Библия», или «Библия Мазарини», была издана не позднее 1455 г.

Иисус и Его собеседники

– Читая Евангелие, мы видим, что даже собеседники, то есть современники Иисуса, не всегда понимают, о чем Он говорит. Это к вопросу о живом слове. Каковы в таком случае наши шансы?

– Действительно, Его слова часто не укладываются в голове. Он обращается к иудеям: *слово Мое не вмещается в вас* (Ин. 8: 37). В ответ они возмущаются: *Он безумствует!* (Ин. 10: 20). Не только оппоненты Иисуса, но и *многие из учеников Его... говорили: какие странные слова! кто может это слушать!* (Ин. 6: 60). То, что Он говорит, вызывает удивление толпы: Он учит *не как книжники и фарисеи* (Мф. 7: 29); *никогда человек не говорил так, как Этот Человек* (Ин. 7: 46). И даже из уст тех, кого Он избрал и приблизил к Себе, часто вырываются слова недоумения (см. Лк. 18: 34; Мф. 19: 27 и др.).

Причина непонимания: *Вы от нижних, а Я от вышних* (Ин. 8: 23). Иисус возвещает слово, пришедшее свыше: *Я передал им слово Твое* (Ин. 17:14) – обращается Он к Своему Отцу. Но при этом, проповедуя по еврейским городам и весям и общаясь со «многими толпами», Он говорит на языке, понятном для этих толп. На языке окружающих его людей. Более того, очень часто Его Божественное слово является ответом на сугубо человеческие нужды. Он отвечает на просьбы и вопросы, которыми озадачены Его современники, люди из толпы. *Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* (Лк. 18:18) – звучит крайне редко, обычно слово, пришедшее свыше, откликается на повседневные и вполне обыденные житейские ситуации.

Христианское богословие строится на новозаветном откровении, на Евангелии. Но само Евангелие очень мало походит на богословский трактат. Евангельская история – это череда коротких рассказов о встречах Иисуса с разными людьми. И все, что мы знаем о Нем, мы знаем благодаря этим встречам. Благодаря этим людям. В конце появляются сильные мира сего – царь, первосвященник, римский наместник. Но, как правило, Иисус изображается в окружении простых людей – «народа земли». Нередко это люди с различными увечьями – слепые, немые, разбитые параличом, покрытые проказой, помраченные злым духом, кровоточивые, скрюченные, хромые, сухорукие.

Родители ведут к Нему своих больных детей. Товарищи несут своего парализованного друга. Но здесь мы увидим и членов синедриона, и начальников синагоги, и римских воинов. В Евангелиях упоминаются представители самых разных слоев общества и профессий: книжники, законники, священники, фарисеи, саддукеи, иродиане, старейшины, а также рыбаки, торговцы, сборщики подати, блудницы... Приходят не только коренные жители Иудеи, но и эллины (паломники из грекоязычной диаспоры), и даже язычники. К Нему приносят детей, к Нему обращаются юноши, мужи, жены, вдовы и старики. И если сегодня, читая Евангелие, мы видим и слышим Иисуса, то лишь потому, что некогда они видели и слышали Его своими глазами и ушами.

Его образ, то, что мы знаем об Иисусе, складывается из взаимных коротких слов и реакций. И чем больше «глаз и ушей», чем больше ракурсов из различных социальных слоев и общественных групп, тем отчетливее мы видим Его черты.

Иисусу задают вопросы о вечной жизни, о законах Торы, об обычаях, о различиях в верованиях, о практике молитвы и поста. К Нему приходят с просьбой разделить имение. Его пытаются поймать на слове, обличить в несоответствии древним Писаниям, в отказе признавать предания отцов. Но чаще всего и громче всего звучит просьба о помощи, об исцелении, о чуде: «помилуй», «сжался», «помоги»!

И всякий раз слова Иисуса обращены к конкретному человеку. *Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал...* (Мф. 9: 22). *Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал...* (Мк. 10: 21). *Иисус, остановившись... спросил его...* (Лк. 18: 40). Нет никакого «человека вообще». Есть

лишь живой собеседник со своим днем рождения, именем, родственными связями, со своим воспитанием и образованием, судьбой, мечтами, надеждами, страхами, радостями, ошибками, достижениями, со своими молитвами или... отсутствием таковых.

И когда Иисус вступает в общение с человеком, Его слово, которое происходит из сокровенных недр Божественного Духа, обращено к одному из «малых сих», чье имя записано на небесах (даже если оно и не названо в тексте Евангелия), и является ответом на его переживание, боль, надежду или отчаяние. И для того, чтобы лучше понять слова *Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога* (Ин. 8:40), необходимо расслышать и понять Его собеседника. Нам надо как можно ближе подойти к человеку. К тому, на чью долю выпало слышать Его слово.

Нет откровения самого по себе. Нет никакого богооткровения вне богообщения. Откровение – не только откровение о Ком-то, но всегда кому-то и для кого-то. И чем ближе мы сможем подойти к этим людям, чем вернее мы сможем разглядеть обстоятельства их жизни, умонастроения, переживания, их манеру общаться и т. п., тем точнее и живее предстанет перед нами слово Божественного откровения. Так устроено Евангелие, что расслышать вечное и универсальное можно, лишь приблизившись вплотную к прокаженному, к слепому, к мытарю, к грешнице... Но также и к оппонентам – к фарисею, саддукею, законнику.

– Одна из ваших книг озаглавлена «Археология текста». Скажите, я правильно понимаю, что для вас определяющим является погружение в эпоху?

– Да, пожалуй, это так. Мне представляется, важно услышать слова Иисуса в современном Ему историческом контексте. Изнутри!

О «еврейском мире» I века

– Думаю, что многие не согласятся с вами. Не важнее ли услышать эти слова в контексте современной повестки? Понять, каким образом они способны направлять нас сегодня?

– Конечно, одним важнее одно, а другим – другое. А кому-то – и то, и другое. Возможно, «важно» – не совсем подходящее слово. Скажу иначе: любые попытки исторических реконструкций мне представляются интересными и немаловажными. *Рабби, где Ты живешь?* – это самые первые слова, с которыми обращаются ученики к Иисусу, и Он отвечает: *пойдите увидите* (Ин. 1: 38–39).

Мы можем попытаться разглядеть Иисуса и Его современников, но не раньше, чем увидим картину еврейской жизни I века. Сделать это сегодня непросто. Картина дошла до нас в очень плохом состоянии. С большими утратами, с записанными и переписанными местами. Краски выцвели, и оригинальные тона потускнели. Но от того, насколько полно и аутентично мы сможем восстановить ее изначальный вид, зависит, насколько точным будет наше представление об Иисусе.

Реставрация этой картины – дело непростое. В полной мере она вряд ли достижима. Будет честнее сказать, что эта задача заведомо обречена на неудачу. В лучшем случае – на мозаичность и фрагментарность. И для этого есть целый ряд причин.

Во-первых, после Иудейской войны (66–73 годы), обернувшейся разрушением Храма, Города и государственности, а также двух последующих (войны Квиета 115–117 годов, восстание Бар-Кохбы 132–135 годов), которые пресекли все попытки, направленные на восстановление независимости в Иудее, безвозвратно исчезли многие институты, социальные и религиозно-политические группы, определявшие жизнь и умонастроение эпохи конца Второго Храма. Сама Иудея в пик у евреев была переименована Адрианом в провинцию Палестина.

Во-вторых, размер картины. Ее масштаб слишком велик. Еврейский мир I века не укладывается в пространственные рамки Римской империи. За ее пределами еврейские общины существовали на территории Междуречья, на самых южных границах Египта, на Кавказе. Все эти рассеянные по миру общины старались преодолевать изоляцию. Они поддерживали связи, обменивались письмами и товарами, общались во время встреч и деловых контактов. Все это способствовало сохранению национальной самоидентичности.

Паломничество

Но очень важной, одной из уникальных практик сыновей Израиля был многовековой институт периодических собраний. Конечно, они имели характер религиозных паломничеств. Их целью являлся Иерусалимский храм, участие в праздничном жертвоприношении и богослужении. Но одновременно это и ежегодная генеральная ассамблея всего народа.

Очевидно, что не всякий мог регулярно совершать подобное восхождение (по-еврейски «идти в Иерусалим» – это всегда «подниматься»). Но память о пережитом оставляла глубокий след. Подобно тому как сегодня хадж в Мекку у мусульман воспринимается в качестве центрального события.

Обычно крестьянин редко покидает свое хозяйство. Но в Израиле дело обстоит иначе. С определенной периодичностью он должен был отрываться от земли. *Приближалась Пасха... и многие со всей страны пришли в Иерусалим...* (Ин. 11: 55). Люди, которые в большинстве своем занимались сельским трудом, поднимают голову оставляют работу и пускаются в путь. Это путешествие могло длиться несколько дней. Неделю в один конец и неделю обратно. После сезона дождей, непосредственно перед Пасхой, специальные храмовые службы инспектировали состояние дорог и при необходимости приводили их в порядок.

В движение к Храму вовлечены большие толпы. На дорогах люди объединяются в группы. В караваны. У них есть возможность увидеть свою страну, где многие места напоминают о событиях библейской истории. Паломники узнают друг друга. Общаются, знакомятся, «завязывают дружеские контакты с людьми, которых доселе не знали» (Филон Александрийский. О подробностях законов, 1, 69), делятся историями и новостями прошедшего года. Это сплачивает. Они вместе идут, вместе едят, вместе поют. Один из таких сборников коротких паломнических песен (так называемые Песни восхождения) был включен в Книгу псалмов.

Эти песни позволяют почувствовать эмоциональный подъем, который царил среди паломников:

Возрадовался я, когда сказали мне:
Пойдем в дом Господень!
Вот, стоят ноги наши
во вратах твоих, Иерусалим, —
Иерусалим построен как город,
где собираются вместе,
ибо туда восходят колена,
колена Господни (Пс. 121:1–4).

Вот, что прекрасно и что сладостно —
пребывать братьям вместе! (Пс. 132:1).

В первой из Песней восхождения слышен намек на рассеяние: «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских, долго жила душа моя с ненавидящими мир» (Пс. 119: 5–6). Но последняя песнь «собирает» всех в Храме: «Благословите ныне Господа, все рабы Господни... воздвигните руки ваши к святилищу!» (Пс. 133:1–2).

Несложно представить, какое яркое и незабываемое впечатление эти походы и праздничные дни в Иерусалиме оказывали на детей. Евангелия ничего не говорят о детстве и отрочестве Иисуса, о Его образовании и воспитании. Единственное исключение, один-единственный эпизод, который Лука счел важным отметить, – это участие двенадцатилетнего Иисуса в семейном паломничестве на Пасху.

Я полагаю, что эти регулярные праздничные паломничества, помимо всего прочего, являлись своего рода школой, где усваивались и география, и история, и гимническая поэзия, и риторика, и многие практические навыки. То, что это не было привычным для нас обучением за партой, не делало его менее эффективным. Мы можем говорить о паломничестве как об уникальном этнообразующем и одновременно образовательном институте. Помимо участия в храмовой жертве, оно позволяло соприкоснуться с вероучительными и законоучительными спорами, увидеть и услышать самых авторитетных и известных проповедников (см. Ин. 11: 56). И все это на фоне праздника. То есть на фоне сильнейшего эмоционального подъема, который делает человека гораздо более восприимчивым и внимательным ко всему происходящему вокруг.

Всякий, кто хотел заявить о себе, шел в Иерусалим. Особенно в те дни, когда в нем собирались толпы паломников. Мы видим, как братья Иисуса посылают Его в Иудею, то есть в Иерусалим, во время Суккот, праздника Поставленния кущей. Если ты хочешь быть известным, говорят они, ты не должен скрываться, «яви Себя миру!» (Ин. 7: 24). Явить себя миру – значит идти в Иерусалим. В праздничный Иерусалим – город, куда стекаются сотни тысяч паломников, *иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом* (Деян. 2:5). В Деяниях апостолов (2:9–11) перечисляются представители шестнадцати стран и областей, внимающие проповеди Петра, которую он произносит в Иерусалиме во время праздника Шавуот (Пятидесятницы).

Около 40 года царь Ирод Агриппа I пишет императору Калигуле. В этом письме речь идет о Иерусалиме: «как я уже сказал, это мой родной город, но это и метрополия не только Иудеи, но многих других земель». Далее он указывает более двух десятков географических названий и заканчивает словами: «так что ежели достанется моему городу часть твоего благоволения, благодетельствованным окажется не один город, но тысячи во всех частях света – в Европе, в Азии, в Ливии, на материках и на островах, на побережьях и вдали от моря» (Филон Александрийский. О посольстве к Гаю, 36).

Как вам кажется, что позволило учению Лютера за очень короткое время завоевать большую часть Европы? Столетием ранее схожие мысли высказывал Ян Гус, а еще ранее английский богослов Джон Уиклиф, но они не привели к широкомасштабной реформации. Однако ко времени, когда выступает Лютер, уже заработал печатный станок. И каждое его заявление всего за несколько дней становилось известно в странах Старого мира. Сегодня мы обладаем гораздо более эффективными средствами коммуникации.

Но уже в I веке в условиях, когда доминировало устное слово, у евреев существовал механизм достаточно быстрой трансляции наиболее заметных новостей. Все самое яркое и выдающееся, с чем сталкивались паломники в праздничном Иерусалиме, все, что привлекало их внимание и обсуждалось в эти дни в Святом Городе, уже через месяц-полтора могло стать достоянием рассеянных по миру общин.

Лука и Клеопа, повстречав, как им представляется, иерусалимского паломника (мы прекрасно помним, это был Сам Иисус, Которого они не узнали), искренне удивляются, что их попутчик не в курсе того, что произошло в эти дни.

Направляясь в храм, паломники, «иудеи со всего мира, равно как прочие почитатели Предвечного в Азии и в Европе... доставляли туда свои приношения» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14, 7, 2). Возвращаясь из храма, они уносили свои впечатления и все те будоражащие темы и события, свидетелями и участниками которых им довелось побывать. А дома их рассказы с нетерпением ждали близкие и товарищи по общине.

– Начиная с IV века появляются записки христианских паломников с описанием святых мест Иерусалима. А было ли что-то подобное у евреев?

– То, что мне приходит на ум, – записки Вениамина Тудельского, в которых он описывает свое путешествие в Святую землю. Он был раввином и жил в XII веке. А от рубежа эр до нас дошли многочисленные упоминания (в том числе и в Новом Завете) о паломничествах, но «итинерарий», или, как он называется в русской средневековой литературе, «хождение/хождение», не существовал как жанр. Однако, мне представляется, определенную фольклорную перцепцию паломничества, его происхождения и значения мы можем видеть в одном раввинистическом мидраше⁵ об Елкане Ефрафяине:

Четыре раза в год Елкана совершал паломничество в Силом. Три раза в соответствии с Торой и один раз по собственному обету. И брал он в паломничество жену, сыновей, дочерей, братьев, сестер и всю родню. В пути они заходили в город и ночевали на площади. И весь тот край сочувствовал им и спрашивал: куда вы идете? Отвечают: в дом Божий, что в Силоме, потому что оттуда происходит учение (Тора) и уставы (мицвот)! Почему бы и вам не пойти с нами? Идем вместе! Тотчас появились на глазах их слезы, и сказали они им: пойдём и мы с вами! Пошли с ним пять семей. На следующий год – десять. А на следующий – весь тот край отправился в паломничество. Каждый год ходил он разными путями, ведя с собой Израиль, пока все они не стали паломниками. Сказал ему Святой Благословен Он: Елкана, ты склонил

---

⁵ Мидраш – в иудаизме изложение или «экзегеза», главным образом, Писания.

Израиль к чаше заслуг и воспитывал их уставами, так что многие стали праведниками благодаря тебе (Ялкут Шимони ли-Шмуэль, 77).

Интересно, что здесь ничего не говорится о жертвоприношении, о культе, но обозначены все важные социальные составляющие паломничества: оно объединяет народ, имеет учительную и воспитательную функцию, способствует благочестию и откликается сильным эмоциональным переживанием («тотчас появились на глазах их слезы»). Надо было бы сказать еще об идее заслуг («чаша заслуг»), которая появляется в фарисейско-раввинистической дидактике и которая тоже очень заметно присутствует в этом рассказе, но об этом в другой раз.

– Но разве не участие в храмовом богослужении и жертвоприношение являются целью паломничества в Иерусалим?

– Конечно. Сообщается, что рабби Гиллель (который дожил примерно до тех лет, когда отрок Иисус совершал описанное Лукой паломничество), объятый радостью во время торжественного возлияния воды на празднике Кущей, сказал: «Если я здесь, то всё здесь; а если я не здесь, то кто здесь? К месту, которое я возлюбил, ведут меня ноги мои!» (Сукка, 53а). Без всякого сомнения, люди шли в Иерусалимский храм, чтобы участвовать в культе. Это то, что венчает дело. Ведь «если я здесь, то всё здесь!» – вся полнота, и вся предельная радость, и единение: «во время жертвоприношений и возлияний они делятся своими чувствами друг с другом и так достигают подлинного единения сердец» (Филон Александрийский. О подробностях закона, 1, 69).

Демография

– Сколько человек собиралось в Иерусалиме во время праздника?

– Действительно, наверное, имеет смысл бегло коснуться демографии. Сегодня на нашей планете 7,7 миллиарда человек. Еще 70 лет назад нас было 2,5 миллиарда. Но в I веке на Земле обитало, как полагают, не более 300 миллионов. Численность Римской империи, по самым оптимистичным оценкам, составляла 55 миллионов.

Иудеи земли Израиля

Что касается евреев, примерно миллион человек жили в Палестине. Здесь можно отметить, что за век до евангельской истории завоевательные войны Хасмонейских царей (Гиркан I, Аристовул I) сопровождалась насильственным массовым обращением в иудаизм. И число иудеев существенно пополнилось за счет итуреев на севере и идумеев на юге. Из последних происходил, между прочим, Ирод Великий.

Иудеи римской диаспоры

Еще около 3 миллионов евреев было рассеяно по различным городам Римской империи. Они «проникли во все города, и нелегко найти какое-нибудь место на земле, где не нашлось бы это племя» (Стра-бон, цит. по: Иудейские древности, 14, 7, 2). В рассеянии евреи создали свой, отличный от палестинского, эллинистический иудаизм, который позволил избежать как крайних форм изоляции, так и полной ассимиляции. За два века до проповеди Иисуса уже были переведены на греческий язык священные книги евреев. Если мы говорим о Торе, то ее перевод был сделан еще веком ранее. Вся эта деятельность, беспрецедентная по тем временам, осуществлялась в Александрии, где «значительная часть города (три из пяти кварталов. –

Л. Г.) отведена этому племени (то есть евреям. – Л. Г.)», которое управляется «собственным этнархом... на правах представителя самостоятельного народа» (там же).

Иудеи диаспоры не только писали и говорили по-гречески, они научились выражать основы своей веры языком эллинистической культуры. Интересно, как сами современники, и в первую очередь жители Иудеи (где, впрочем, в определенных кругах также увлекались эллинизмом), воспринимали подобную адаптацию религиозной традиции, но сегодня так называемая греко-еврейская литература нередко поражает нас своим синкретизмом и эксцентричностью: здесь и античный театр на библейский сюжет, продвигаемый неким Иезекиилем, еврейским трагиком из Александрии (выходцем из Кирены); здесь и еврейский историк и экзегет Артапан, отождествляющий Моисея то с Мусеем, то с Гермесом; здесь и Филон Александрийский, который цитирует равно и Тору, и греческих классиков; здесь и оракулы Сивиллы, которая, называя себя невесткой Ноя (Оракулы Сивиллы, 3, 827), предрекает гекзаметром события еврейской истории и возвещает о евреях, что «только им даровал разуменье благое Всевышний, веру и лучшие чувства людские вложил Он в их души» (там же, 3, 385–386).

Прозелиты

Именно эта форма «открытого» иудаизма оказалась наиболее привлекательной для многих ищущих религиозного обновления язычников. По свидетельству Филона Александрийского, «красота и достоинство закона Моисеева почитаются не только среди евреев, но также среди всех остальных народов» (О жизни Моисея, II, V, 25). Контакты с еврейскими общинами способствовали распространению иудейских обычаев. Иосиф Флавий упоминает о соблюдении неевреями «пищевых ограничений», о «воздержании от работы в седьмой день», о специальной «трапезе и зажигании свечей в субботу» (Против Апиона, 2, 39). И здесь же он не без пафоса заключает, что еврейские «законы вызывали во всем остальном человечестве все больше и больше сочувствия к себе».

Определенную роль могли играть и миссионеры из митрополии: в Евангелии от Матфея Иисус, обращаясь к книжникам и фарисеям, говорит, что они готовы обходить море и сушу, чтобы сделать прозелитом хотя бы одного язычника (Мф. 23:15).

Мужси, братия... и боящиеся Бога между вами (Деян. 13: 26) – так обычно обращался апостол Павел к собравшимся в синагоге. *Мужси, братия* – это евреи, «дети рода Авраамова». «Боящиеся/чтущие Бога» – это сочувствующие иудаизму язычники⁶. Они же – «благочестивые» (гр. *себоменой*) (Деян. 13: 43, 50; 17: 4, 17 и др.). Даже если они не были готовы и не торопились принимать обрезание (то есть стать полноценными прозелитами), они хотели слышать Закон Моисеев и порождаемые им интерпретации. Двери синагог были открыты для них. И именно они, так называемые «прозелиты врат» (**гер ха-шаар**), оказались наиболее благодарной аудиторией апостола Павла.

И не только Павла. *В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу* (Деян. 10: 1–2), одобряемый всем народом *Иудейским* (Деян. 10: 22). И он был крещен во имя Иисуса Христа апостолом Петром.

Вот еще одна замечательная картина. Иудейские старейшины приходят к Иисусу дело происходит в Капернауме, и ходатайствуют за римского сотника: *он достоин, чтобы Ты сделал для него это* (исцелил его слугу. – Л. Г.), *ибо он любит наш народ и построил нам синагогу* (Лк. 7: 4–5). Вероятно, этот сотник находился в Галилее по делам службы, но нельзя исключать, что он принадлежал к числу «прозелитов-поселенцев» (**гер тошав**), которые многократно упоминаются в раввинистических источниках. Это еще одна градация полупрозелитов. Чтобы при-

⁶ Авот де-рабби Натан, вере. II, 18: «Боящиеся Бога – это прозелиты».

близиться и лучше познакомиться с иудейской религией, обычаями, географией библейских книг, они переселялись на время (возможно, весьма продолжительное) в землю Израиля. Они не были связаны исполнением всего Закона, достаточно было веры в Бога Израиля и соблюдения минимального свода этических норм, так называемых «семи заповедей Ноя». Но были среди них и более решительные, готовые идти до конца: «Отец не работает по субботам и не ест свинины, а сыну уже мало этого, и он обрезан» (Ювенал. Сатиры, XIV, 96–106). Прошедшие обрезание и обряд омовения назывались «прозелитами праведности» (**гер ха-цедек**) или «прозелитами Завета» (**гер ха-брит**). На этой окончательной ступени, становясь полноценными прозелитами, они уравнивались во всем с евреями, чадами Авраама⁷.

Одной из форм прозелитизма были смешанные браки с язычниками. Эти женщины – «чтущие Бога», то есть принимающие веру своих мужей – воспитывали детей в иудаизме⁸. Еврейской ассимиляции способствовало и то, что «всю Грецию постигло неплодие и вообще скудость населения... люди утратили простоту и сделались любостыжательными и расточительными и перестали вступать в брак, а если вступали, то с тем, чтобы не иметь больше одного или, в крайнем случае, двух детей» (Полибий. Hist. lib., XXXVI, 4). Полибий говорит о «богатстве» и «роскоши», но была и другая причина демографического кризиса – пренебрежение женщинами: *осквернение душ, превращение полов, бесчиние браков* (Прем. 14: 26). В результате большие греческие поселения (такие, например, как Фивы, Спарта, Аргос) за несколько поколений могли превратиться в иудейскую колонию. В Деяниях словом «колония» обозначен македонский город Филиппы, к жителям которого обращено одно из посланий апостола Павла.

Это (Филиппы. – Л. Г.) первый город в той части Македонии, колония. В этом городе мы пробыли несколько дней. В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел (Деян. 16:12–14).

Иудеи за пределами римской диаспоры

Таким образом, около миллиона евреев проживали на территории Палестины, три миллиона в римской диаспоре и, как считают, еще один миллион за пределами Римской империи. И там тоже было много интересного и амбициозного.

Еврейское княжество в Вавилонии

Например, в то время, на которое приходится проповедь Иисуса, в Вавилонии в районе города Негардея существовало независимое еврейское княжество. Оно было создано и управлялось двумя лихими братьями, Асинаем и Анилаем. Начав как предводители банды налетчиков, они сумели собрать значительное ополчение, с которым вынуждены были считаться даже парфянские цари. Просуществовало, впрочем, княжество недолго, «это счастье его (Асиная. – Л. Г.) длилось 15 лет», примерно с 20 по 35 год по Р. Х. Обо всем этом достаточно подробно рассказывает Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (18, 9).

---

⁷ Они упоминаются в Деян. 2: 10.

⁸ Еврейскую эмиграцию в Грецию, которая началась, вероятно, в эпоху Селевкидов, связывают с перенаселением Иудеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.